

Сквозь окна постоянного двора пробивался чистый утренний свет. Гун Чэн свернулась калачиком в объятиях Гун Фэйчжэна, и тот утонченный, изысканный аромат, исходящий от него, по-прежнему щекотал ей ноздри.

— Учитель, вы слышали? Кто-то продает цветы, — прошептала она.

— Еще бы, они разбудили всех в округе, — Гун Фэйчжэн открыл глаза и встретился с распахнутыми, сияющими от возбуждения глазами Гун Чэн.

— Учитель... — стоило ему заговорить, как живой интерес в ее глазах сменился глубокой печалью.

Гун Фэйчжэн почувствовал, что не успевает за переменами в настроении ученицы:

— Говори.

— Хоть я и родилась в Цзяннани, но с самого детства не покидала пределов поместья Лю. Я никогда не гуляла по улицам, не ела в закусочных и уж тем более не покупала цветы на рынке... — в глазах Гун Чэн застыла тоска.

Гун Фэйчжэн молчал, глядя на нее. Цзяннань — вотчина поместья Лю. Если они пойдут гулять и столкнутся с кем-то из людей Лю Даочжэна... Гун Фэйчжэн не собирался возвращать Гун Чэн обратно, да и конфликтовать с Лю Даочжэном раньше времени в его планы не входило. Если бы не необходимость обеспечить безопасность Наньгун Юэ при выполнении задания, он бы ни за что не приехал в Цзяннань, даже ради того, чтобы показать мир Гун Чэн.

— Мы здесь только ради твоего поединка с Гуань Сяосяо. Пожалуй, нам пора уходить, — голос Гун Фэйчжэна стал холодным.

Гун Чэн посмотрела на него с обидой:

— Теперь я Гун Чэн, а не Лю Цинъянь. Без вашего позволения я не стану самовольно возвращаться в поместье Лю. Я просто...

В глазах девушки блеснули слезы:

— Я родилась и выросла в Цзяннани, но даже не знаю, как выглядят эти улицы...

Взгляд Гун Фэйчжэна смягчился. Долго глядя на нее, он наконец произнес:

— Надень вуаль.

— Спасибо, учитель! — печаль мгновенно испарилась. Гун Чэн в восторге обняла его, подалась вперед и — чмок! — звонко поцеловала в щеку.

Расстояние было слишком малым. Нынешняя Гун Чэн была уже не той, что прежде; поцелуй оказался столь стремительным, что Гун Фэйчжэн не успел увернуться.

Тепло ее губ еще чувствовалось на щеке, а звонкий звук поцелуя, казалось, все еще висел в воздухе. Гун Фэйчжэн замер, а Гун Чэн уже вскочила с постели и бросилась к узлу с вещами.

Он смотрел ей вслед со сложным выражением в глазах. На таком близком расстоянии, когда нападение было столь неожиданным, он действительно не смог уклониться.

После ливня небо стало чистым, словно промытым драгоценным камнем, и приобрело глубокий лазурный оттенок. Воздух наполнился неповторимой свежестью речного края.

Уличные торговцы наперебой зазывали покупателей. У лотка с тофу толпились дети с забавными прическами, их нежные лица казались еще светлее рядом с белым лакомством. На углу дымились жаровни с лепешками и хворостом, источая аппетитный запах. В маленькой лавчонке с красным флагом, на котором было написано Лапша, сидел сонный посетитель, зевая во весь рот:

— Две порции говяжьей лапши! И побольше кинзы!

Девушка в красном платье и вуали, чья изящная фигура приковывала взгляды, остановилась у входа. Воздух был пропитан ароматом говяжьего бульона, а из лапшичной валил густой пар. Обычное утро, обычное начало дня, но Гун Чэн видела подобное впервые.

Оказывается, жизнь так полна красок, мир так прекрасен, а вокруг столько людей с разными лицами, разными выражениями и непохожими друг на друга судьбами. Оказывается, воздух может быть пропитан таким множеством ароматов.

— Я проголодалась... — Гун Чэн погладила себя по животу и жалобно посмотрела на Гун Фэйчжэна.

Гун Фэйчжэн, одетый в мужской белый халат, ничего не ответил и направился прямо в лапшичную. Время завтрака — съесть по порции лапши было вполне уместно.

Дел у хозяина было невпроворот, но, заметив столь статных и хорошо одетых посетителей, он, поставив миску перед крупным мужчиной, поспешил навстречу:

— Проходите, господа! У нас есть лапша с говядиной, ребрышками, мясным соусом, курицей или потрошками. Что прикажете?

Официант замялся, пораженный их статью, и, вместо того чтобы завести привычную светскую беседу, лишь испуганно покосился на длинные мечи у их поясов и принялся с усердием протирать деревянный стол.

— Две порции говяжьей лапши, побольше мяса, поменьше теста, — Гун Чэн, словно сошедшая с небес небожительница, грациозно взмахнула рукавом и опустилась на стул. Она держалась с достоинством знатной девицы, но при этом пыталась подражать небрежному тону того сонного мужчины.

Посетители в лапшичной удивленно обернулись. Кто-то прыснул со смеху:

— А барышня занятная! В следующий раз тоже закажу: хозяин, давай говядины, а лапшу не клади!

Официант лишь неловко улыбнулся, не зная, что ответить.

Гун Фэйчжэн, не сдержав улыбки, выручил его:

— Две порции говяжьей лапши и еще порцию говядины в специях.

— Как же я буду есть в вуали? — когда принесли еду, спросила Гун Чэн.

— Сними. Наденешь, когда выйдем, — усмехнулся Гун Фэйчжэн. В этой забегаловке не было никого из мира боевых искусств, а тем более из поместья Лю.

Гун Чэн радостно сняла вуаль, открыв свое прекрасное лицо.

Гун Фэйчжэн посмотрел на нее и вдруг тихо спросил:

— А что, если я никогда не позволю тебе вернуться в поместье Лю?

Гун Чэн, уже поднесшая палочки с лапшой ко рту, замерла и подняла глаза:

— Почему?

Гун Фэйчжэн не ответил, а задал новый вопрос:

— Если однажды мы с твоим отцом сорвемся в пропасть, и ты сможешь спасти только одного, кого ты выберешь?

Лицо Гун Чэн изменилось:

— Вы с отцом враги?

Гун Фэйчжэн улыбнулся, но в его глазах застыл холод:

— Нет.

— Тогда зачем спрашивать? Отец дал мне жизнь и вырастил, учитель обучил меня боевым искусствам. Если заставлять меня выбирать, это все равно что спрашивать, какую руку отрубить — левую или правую, — помолчав, ответила она.

— Твой отец — благородный герой, я — ведьма из Секты Демонов. Если нужно выбрать кого-то одного, кого ты выберешь? — не унимался он.

Гун Чэн промолчала, проглотив лапшу, которая показалась ей безвкусной, как воск. Иногда молчание — тоже ответ.

— А если бы твой отец был злодеем, а я — добрым человеком, как бы ты поступила? — вопросы Гун Фэйчжэна лились непрерывным потоком, и он не собирался останавливаться из-за ее молчания.

— Мой отец не может быть злодеем! Он прославленный герой Лю, об этом знает и чтит каждый в мире боевых искусств, — рефлексивно возразила Гун Чэн.

Гун Фэйчжэн рассмеялась. Искренне, от души.

На ее красивом лице с присущей женщинам мягкостью заиграла улыбка, уголки губ приподнялись, обнажив ровные белые зубы, на худых щеках проступили ямочки. Узкие глаза сузились, превратившись в полумесяцы, но в этом прищуре не было ни капли тепла:

— Шучу я, шучу. Видела бы ты свое лицо! Я не собираюсь подставлять твоего отца.

— Но почему вы не разрешаете мне вернуться в поместье Лю? Мы сейчас в Цзяннани, совсем рядом. Если отец узнает, что я стала вашей ученицей, он примет вас как почетного гостя. Он человек, глубоко уважающий учителей, — Гун Чэн недоуменно посмотрела на него и добавила: — Хотя я сама не знаю, как оказалась в Тяньшане, но мне просто любопытно. Я не собираюсь возвращаться, я слушаюсь учителя.

Гун Фэйчжэн подцепила лапшу, продолжая мягко улыбаться, но, казалось, не собиралась отвечать на этот вопрос.

Гун Чэн вздохнула и сдалась. Ей никогда не понять того, что творится в душе у Гун Фэйчжэна.

Завтрак быстро закончился, и Гун Чэн снова надела вуаль. Гун Фэйчжэн поднялась, и вдруг с улыбкой произнесла:

— Я просто не хочу, чтобы ты уходила. Хочу, чтобы ты была рядом и составляла мне компанию.

Гун Чэн опешила. Гун Фэйчжэну нужна компания?

Выйдя из лапшичной, Гун Чэн пошла рядом с ней:

— Когда я была в поместье Лю, я слышала от А Лань историю о вас. Говорили, что наследник Секты Демонов Цан Биюэ был в вас влюблен... Я тогда думала, что вы мужчина! Учителю ведь наверняка одиноко одной на Тяньшане, почему бы вам не позволить ей составить вам компанию?

Вопрос был наивным, но логичным, и к тому же задевающим за живое.

Гун Фэйчжэн искоса посмотрела на Гун Чэн. В ее взгляде появилось нечто, чего девушка не могла понять. Голос стал низким, в нем зазвучали угрожающие нотки:

— Мне нужна только ты. Всю жизнь, на Тяньшане. Ты не вернешься в поместье Лю и не покинешь меня.

— Значит, я должна выйти за вас замуж? — выпалила Гун Чэн, не подумав. В ее представлении быть вместе всю жизнь и никогда не расставаться означало именно свадьбу.

Гун Фэйчжэн не стала ни отрицать, ни подтверждать, лишь улыбнулась еще шире. Навстречу им шла цветочница. Корзина была полна свежих цветов, еще не успевших обсохнуть от росы, а голос девушки звучал звонко и мелодично.

— Молодой господин, купите цветок! Посмотрите, какие они красивые и свежие, как раз подойдут этой барышне! — цветочница застенчиво взглянула на статного юношу в белом. Его красота и непринужденность заставили ее покраснеть.

Гун Фэйчжэн, выглядевшая как настоящий молодой господин, с улыбкой повернулась к Гун Чэн:

— Человек краше цветов. Хотя эти цветы и не сравнятся с твоей красотой, они хотя бы свежие.

Гун Чэн одарила ее кокетливым взглядом из-под вуали, ничего не сказав, но в этом жесте было

столько женственности.

Гун Фэйчжэн молча покачала головой и легонько коснулась пальцем лба Гун Чэн:

— Ты, девица, выросшая в глубоких покоях, от природы обладаешь таким очарованием, что сводишь с ума!

Цветочница рассмеялась:

— Вы такая красивая пара, словно созданы друг для друга.

— Девушка, а вы умеете говорить приятные вещи! — Гун Фэйчжэн взяла один цветок, подумала и добавила: — Раз уж вы так любезны, я заберу всю корзину.

Цветочница обрадовалась:

— Забирайте все, всего за один серебряный!

Расплатившись, Гун Фэйчжэн вручила охапку цветов Гун Чэн:

— Чэн-эр, довольна? Теперь не будешь с самого утра капризничать и требовать цветов.

— Учитель, вы просто хотите сэкономить время? — Гун Чэн приняла цветы, сияя от счастья, но нарочито недовольно надула губки.

— Ну что ты! И еще, не называй меня учителем на улице. Зови Фэйчжэн или, если хочешь, мужем. Мы здесь не для того, чтобы демонстрировать, что мы из мира боевых искусств, — в словах Гун Фэйчжэна сквозил скрытый подтекст.

— Но... — Гун Чэн замялась, вспомнив, что хотела сказать: — Вы просто ленитесь, купили сразу целую охапку, чтобы потом не покупать?

— Какой цветок может сравниться с Чэн-эр? — Гун Фэйчжэн улыбнулась двусмысленно.

Гун Чэн вдруг почувствовала, что Гун Фэйчжэн изменилась.

Стала такой пылкой! И эта пылкость была совсем не похожа на то, как она, не стесняясь, целовала Гун Чэн на Тяньшане. В ее новой страсти было нечто, не знающее границ и постепенности.

<http://bllate.org/book/21781/2252317>